ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО 13.09.2019 | Карин Петтерссон

Необузданная сила

Эпоха данных подрывает основы либеральной демократии. Что же делать? Три главных задания для прогрессивной политики.

Читайте эту статью на немецком / английском языке

Невозможно изменить мир без понимания сил, которые им движут. Прямо сейчас эпоха данных подрывает экономические устои наших стран и разрушает основы либеральной демократии. Как следствие, осмысление этих вызовов нашего времени является первоочередной задачей для прогрессивных партий и политических деятелей.

Чтобы открыть дорогу переменам, им необходимо серьезно задуматься над тремя ключевыми проблемами и предложить их решение.

Первая проблема заключается в том, что гнев все больше определяет характер публичных дискуссий.

Политика проистекает из культуры – это знаменитое (и верное) утверждение отстаивал Стив Бэннон, пропагандист ультраправого движения и верный последователь Антонио Грамши. Формирование повестки дня означает обладание реальной властью. Развивая утверждение Бэннона, следует отметить, что сегодня политика во многом проистекает из технологий.

«Социальные медиа» продвигают и наращивают контент, который идеально подходит для конспиративных теорий и ненависти в отношении групп

«Социальные медиа» создают благоприятную почву для эмоциональных страстей – они продвигают и наращивают контент, который идеально подходит для конспиративных теорий и ненависти в отношении групп меньшинств; они в принципе раздувают ярость и страх. Механизмы генератора гнева, взращиваемые «социальными медиа», описаны самым тщательным образом, но политические

меньшинств. Они раздувают ярость и страх.

последствия этих механизмов остались без должной оценки.

В своей статье для Guardian публицист Сукету Мехта убедительно раскрывает процесс продуцирования ненависти в отношении иммигрантов, который двигает и определяет европейскую политику. Не хватает лишь констатации того, что накручивание панических настроений в таких масштабах и с такой интенсивностью было бы гораздо более сложным, а то и вообще бесперспективным занятием без множащих злобу алгоритмов «социальных медиа». Соответствующие механизмы детально описаны в недавнем репортаже New York Times о влиянии YouTube на бразильскую политику.

Подобная нетерпимость не является чем-то новым для Европы, и существуют другие весомые факторы, влияющие на политические процессы – например, неравенство и неприятие глобализации. «Социальные медиа», мол, не порождают торжество расизма или ультраправого популизма буквально на ровном месте, как в Бразилии.

Более важным видится аргумент Вестагер о принципиально новом образе мышления в отношениях между компаниями и потребителями, а также о том, как следует подходить к организации цифровых рынков

Впрочем, как отмечают Кэс Мадд и другие знающие люди, корни современного успеха ультраправых сил следует искать не столько в возросшем спросе на определенные политические идеи, сколько в деятельности партий и прочих организаций, снабжающих избирателей этими идеями – причем в условиях, когда подобные идеи (например, «иммиграция») все больше выдвигаются на передний план, в то время как азарт в отстаивание других проблемных тем (таких как распределение доходов) заметно идут на убыль. А публичные дискуссии, пропитанные страхом и ненавистью, будут лишь наращивать доминирование политики ультраправых сил. И действительно, подобные дискуссии побуждают другие партии копировать ультраправую политику и риторику, как это уже сделали некоторые представители не только правого, но даже левого центра.

Усилительный эффект, оказываемый «социальными медиа» на политическую жизнь, не только реален, но и гораздо более серьезен, чем принято полагать. Это должно вызывать глубокую тревогу у каждого (как в рядах левых, так и в рядах правых), кто стремится

мобилизовать людей вокруг чего-то иного, не имеющего отношения к страху и ненависти.

Вторая проблема заключается в том, что инновациям и демократии угрожает монопольный захват.

Большинство политиков не отдают себе отчета в том, что узкий круг компаний не только обладает реальным контролем над информационным пространством – эти корпорации, в силу своих огромных размеров, также нивелируют конкуренцию и вытесняют инновации из жизненно важных отраслей экономики.

Цифровая экономика работает по другим принципам, нежели традиционные рынки. Крайности наращивают масштаб, мощные сетевые эффекты и современная роль данных обеспечивают огромные преимущества для власть имущих. И это, в сочетании со слабым регулированием и законодательным контролем в США, являющихся средоточием современных трендов, создает условия для дальнейшего развития самых крупных и влиятельных компаний в истории человечества.

Налицо реальный и усугубляющийся риск монополизации данных, что подавляет производительность и инновации, а также способствует становлению экономики в стиле «победитель получает все», в рамках которой преуспевают лишь держатели акций гигантов инфотеха. И, как свидетельствует история (в том числе и ранний этап американской «плутократии», подстегнувший развитие антимонопольного законодательства), монополии и засилье корпораций станут в конечном итоге угрозой для демократии.

Одним из немногих современных европейских политиков, осознавших политические и экономические последствия нарастания монополизма, является датчанка Маргрет Вестагер, европейский комиссар по вопросам конкуренции. Ее работа в антимонопольной сфере носила революционный характер, и не только из-за тех штрафных санкций, которые она вручила компаниям Google и Apple.

Более важным видится постулат Вестагер о принципиально новом образе мышления в отношениях между компаниями и потребителями, а также о том, как следует подходить к организации цифровых рынков. Это вписывается в русло либеральной политической традиции (европейского толка), в рамках которой обязательно принимаются во внимание права потребителей на возможность делать выбор, а не только права компаний.

Необычайно важно то, что постулат, выдвинутый Вестагер, останется незыблемым в обозримом будущем. Не менее важным, безусловно, является также то, что прогрессивные партии и политические деятели работают на усиление и развитие политических курсов с упором на конкуренцию и антимонопольный подход.

Третья проблема: права собственности на данные – это ключ к перераспределению благ и суверенитету.

Не перестает расти доля той стоимости в современной экономике, которая формируется при помощи и на основе данных. Львиная доля этих данных (хотя и не все из них) извлекаются из человеческой деятельности. Кто контролирует этот ресурс? Кто им владеет? Как следует распределять эту стоимость? Сегодня гиганты инфотеха присваивают себе богатства, полученные в форме рентных платежей, и сами же определяют правила в этой игре. И как бы хорошо Вестагер ни делала свою работу, конкурентная политика и антимонопольный контроль не в силах совладать с этим вызовом.

Вопрос прав собственности на данные должен быть главной отправной точкой в дискуссиях прогрессивных сил

Вопрос прав собственности на данные должен быть главной отправной точкой в дискуссиях прогрессивных сил. Некоторые доказывают, что данные следует рассматривать как овеществленный труд. В этом случае созданная стоимость должна хотя бы частично возвращаться назад к ее источнику.

Другим углом зрения на данные является общественная инфраструктура. Город Барселона провел ряд экспериментов, в основе которых лежало представление о данных как о всеобщем достоянии: все данные, продуцируемые людьми, датчиками и устройствами, рассматривались как ресурс общего пользования без каких-либо ограничений в форме прав собственности; каждый может воспользоваться этим ресурсом для инновационной деятельности.

Вопрос прав собственности на данные является краеугольным не только для выживания демократии, но и для процветания и суверенитета Европы. Первая фаза цифровизации практически полностью осуществлялась США и Китаем, и они теперь ушли далеко вперед во всем, что касается больших данных и искусственного интеллекта.

Как отметил бывший министр иностранных дел Германии Йошка Фишер, это одна из самых важных проблем, стоящих перед новым

составом Европейской комиссии. Европейцы должны решить, кто будет владельцем данных, без которых невозможно обеспечить цифровой суверенитет, а также на каких условиях будет осуществляться регулирование сбора и использования этих данных.

Принцип организации цифровых рынков будет определять погоду в наших странах в ближайшие десятилетия.

Поднятые в данной статье вопросы не имеют простых ответов. Их решение, помимо всего прочего, упирается в ценности и идеологию. Однако сегодня наблюдается пугающая нехватка политических дебатов по этим важнейшим темам.

Это стыд и позор, поскольку нынешняя эпоха данных как раз, наоборот, могла бы дать шанс прогрессивным силам улучшить условия для перераспределения благ и инноваций, для равенства и освобождения от зависимости. Политика должна развернуться и двигаться против течения, задавшись целью сформировать эти условия демократическим путем, а не оставлять их на усмотрение монополистов.

Данная статья является совместной публикацией Social Europe и IPG-Journal

---

Карин Петтерссон
Стокгольм

Карин Петтерссон (Karin Pettersson) является директором по вопросам публичной политики в Schibsted Media Group и председателем Комитета по свободе слова в СМИ (Media Freedom Board) во Всемирной газетной ассоциации (WAN-IFRA). В 2017 году она получила стипендию от Nieman Foundation и Berkman Klein Center for Internet & Society для обучения в Гарварде. Ранее она была ответственным редактором политического блока в Aftonbladet, самой крупной скандинавской ежедневной газете. Она основала Fokus, ведущий общественно-политический журнал в Швеции, и работала в Социал-демократической рабочей партии Швеции.

